

Дмитрий Михайлович Бондаренко

Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, Москва

Леонид Ефимович Гринин

Волгоградский центр социальных исследований

Андрей Витальевич Коротаев

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Эволюционистам всегда было свойственно сравнивать социальную эволюцию с биологической, каковой она представлялась, в первую очередь, Чарльзу Дарвину. Но кажется возможным и правильным провести аналогию и с другим великим открытием в области эволюционной биологии, а именно с гомологическими рядами Николая Вавилова (1921, 1927, 1967). Однако культурный параллелизм и биологические гомологические ряды не совсем тождественны. Вавилов изучал морфологическую гомологию, тогда как нас интересует функциональный аспект в сфере социальной эволюции. Несомненно, в процессе социальной эволюции морфологический гомоморфизм также имеет место (например, на Гавайских островах, где тип социокультурной организации, удивительно похожий на организацию других высоко развитых частей Полинезии, сформировался относительно независимо к концу XVIII в. [Sahlins 1972/1958; Goldman 1970; Earle 1978]). Однако эта тема лежит вне проблематики данной статьи.

В данном случае для нас важно наличие, по нашему мнению, оснований полагать, что одинаковый уровень социополитической и культурной сложности (который позволяет разрешать одинаково трудные проблемы, стоящие перед обществами) может быть достигнут не только в различных формах, но и разными эволюционными путями. Таким образом, к одному уровню сложности системной организации можно прийти по разным траекториям развития.

Эти траектории могли возникать одновременно (причем еще до появления *Homo sapiens sapiens* [Бутовская и Файнберг 1993; Бутовская 1994, Butovskaya 2000; Butovskaya, Korotayev, and Kazankov

2000]), а их количество возрастало на протяжении всей социокультурной эволюции (Павленко 1996: 229–251; 2000). Многообразие можно рассматривать как одну из важнейших предпосылок эволюционного процесса. Это предполагает, что переход к любой качественно новой форме обычно невозможен без достаточного уровня социокультурного разнообразия (среди как предшественников данной культуры, так и ее современников).

На начальном уровне анализа все эволюционное многообразие может быть сведено к двум принципиально разным группам гомологических рядов (Бондаренко 1997: 12–15; Bondarenko 1998; 2000; Bondarenko and Korotayev 1999, 2000b; Коротаев и др. 2000). Ранее эти альтернативы определялись либо как «иерархические» и «неиерархические» (например: Bondarenko and Korotayev 2000a), либо «иерархические» и «гетерархические» (например: Ehrenreich, Crumley, and Levy 1995; Crumley 2001).

В одной из публикаций, посвященных проблеме гетерархии, последняя определяется как «...отношение элементов друг к другу, при которых они либо не ранжированы, либо существует несколько потенциально возможных вариантов ранжирования» (Ehrenreich, Crumley, and Levy 1995: 3; см. также: Crumley 1979: 144). Ясно, что второй вариант гетерархии больше подходит для изучения сложных обществ.

Однако, когда речь идет об элементах, для которых «существует несколько потенциально возможных вариантов ранжирования», кажется невозможным говорить об отсутствии иерархии. В этом случае мы, скорее, имеем дело с системой гетерархически организованных иерархий. Следовательно, кажется нецелесообразным определять альтернативу гетерархии как «иерархию». Мы предлагаем обозначить ее как «гомоархия», которую можно определить как «...взаимоотношения элементов, обладающих только одним потенциальным вариантом ранжирования» (Ehrenreich, Crumley, and Levy 1995: 3; см. также: Crumley 1979: 144). Тоталитарные режимы всех времен дают нам множество примеров такой социокультурной ситуации, когда у управляемых нет шансов занять положение над правителями ни при каких обстоятельствах. Это резко контрастирует, скажем, с классическим примером сложной гетерархической системы – афинской гражданской общиной (*полисом*) V–IV вв. до н. э., где граждане, занимающие более низкое положение в рамках одной иерархии (например, военной), вполне могли занять более высокую позицию во многих других возможных отношениях (например, экономически или в подсистеме гражданских/религиозных магистратур). Следовательно, нельзя сказать, что один гражданин был выше другого в каком-то абсолютном смысле.

С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что невозможно найти не только какую-либо социальную культуру, где бы полностью отсутствовали любые иерархические отношения (включая неформальные), но и

любую культуру, которая была бы полностью гомоархичной. Следовательно, для упрощения нашего анализа в настоящей статье мы говорим только о гетерархической и гомоархической траекториях развития; по сути, здесь мы имеем дело с осью гетерархия – гомоархия, на которой можно поместить все известные человеческие культуры. В рамках подобного ряда не существует какой-либо четкой границы между гомо- и гетероархическими культурами; значит, на самом деле уместно говорить не только о двух траекториях развития (гетероархической и гомоархической), но и о потенциально бесконечном количестве таких путей и, значит, в конце концов, не об эволюционных путях, а, скорее, о целом эволюционном вероятностном поле (подробнее см.: Коротаяев *et al.* 2000). Все же, как упоминалось выше, в целях упрощения анализа, мы говорим только о двух альтернативных путях.

В частности, до недавнего времени считалось само собой разумеющимся, что именно формирование государства ознаменовало конец первобытной эпохи, и никаких реальных альтернатив государству не существовало. Все безгосударственные общества рассматривались как догосударственные, стоящие на единой эволюционной лестнице на ступень ниже государств. В наши дни не кажутся столь уж неопровержимыми, как несколько лет назад, постулаты о государстве как единственно возможной форме политической и социокультурной организации постпервобытных обществ, об *a priori* более высоком уровне развития государства по сравнению с любым негосударственным обществом. Стало очевидным, что негосударственные общества не обязательно менее сложны и менее эффективны. Заслуживает внимания проблема существования негосударственных, но и непервобытных обществ (то есть главным образом негосударственных, но не догосударственных), альтернативных государству (как якобы неизбежной постпервобытной форме социально-политической организации).

Конечно, мы никоим образом не отрицаем факт существования и важности государств в мировой истории. Мы только утверждаем, что государство не является единственно возможной постпервобытной эволюционной формой. С нашей точки зрения, это всего лишь одна из многих форм постпервобытной социально-политической организации; эти формы альтернативны по отношению друг к другу и способны трансформироваться друг в друга без каких-либо потерь в общем уровне сложности. Следовательно, степень социополитической централизации и «гомоархизации» не является абсолютным критерием оценки уровня развития какого-либо общества, хотя и считается таковым в рамках однолинейных концепций социальной эволюции.

Как писала Е. Брумфил, «связь [социополитической] дифференциации и иерархии столь глубоко укоренилась в нашем сознании, что требуются невероятные умственные усилия, чтобы даже просто представить, как могла бы выглядеть дифференциация без иерархии»

(Brumfiel 1995: 130)³. Обычно даже если и признается само существование сложных, но не гомоархических культур, то они рассматриваются как историческая случайность, как аномалия. Утверждается, что подобные культуры способны достичь лишь довольно низких уровней сложности и что они не способны обрести внутреннюю стабильность (Tuden and Marshall 1972: 454–456).

Таким образом, на следующем уровне анализа дихотомия оказывается отнюдь не жесткой, поскольку в реальной организации любого общества присутствуют как вертикальные (доминирование-подчинение), так и горизонтальные (понимаемые как отношения между равными) связи. Более того, на протяжении своей истории общества (включая архаические культуры) оказываются способными радикально изменять модели социально-политической организации, трансформируясь из гомоархических в гетерархические и наоборот (Crumley 1987: 164–165; 1995: 4; 2001; Bondarenko and Korotayev 2000c; Dozhdev 2000; Kradin 2000a). Возможно, наиболее известный исторический пример последнего случая – Рим, где республика была установлена и далее демократизировалась политическими победами плебса. Заметим, что в ходе таких трансформаций меняется организационная база, но общий уровень культурной сложности может не только возрасти или снизиться, но вполне может остаться практически без изменений (например, в древности и средневековье в Европе, в обеих Америках, Азии; см. об этом: van der Vliet 1987; Ferguson 1991; Korotayev 1995a, 1996; Levy 1995; Lynsha 1998; Beliaev 2000; Chamblee 2000: 15–35; Dozhdev 2000; Kowalewski 2000; Kradin 2000a).

Тем не менее горизонтальные и вертикальные связи в различных обществах играют разную роль в каждый конкретный момент. Уже среди приматов с одинаковым уровнем морфологического и когнитивного развития и даже среди популяций приматов одного вида можно наблюдать и более, и менее организованные группы. Таким образом, нелинейность социополитической эволюции, оказывается, возникает уже до формирования *Homo sapiens sapiens* (Бутовская и Файнберг 1993; Бутовская 1994; Butovskaya, Korotayev, and Kazankov 2000).

Теперь остановимся подробнее на одной из наиболее влиятельных и распространенных эволюционных схем – на схеме, предложенной Э. Сервисом (Service 1962/1971; ее основные идеи, однако, присутствуют уже в Sahlins 1960: 37): бэнд (локальная группа) – племя – вождество – государство. Данная схема подразумевает, что рост политической сложности (по крайней мере, вплоть до уровня аграрного государства) неизбежно сопровождается ростом неравенства, расслоения, социальной дистанции между правителями и подданными, растущим авторитаризмом и иерархизацией политической системы, снижением политического участия основной массы населения и т. д. Разумеется, эти два набора параметров кажутся достаточно тесно связанными.

Очевидно, что здесь мы наблюдаем определенную (и достаточно значимую) корреляцию. Но, несомненно, это лишь корреляция, а ни в коем случае не функциональная зависимость. Конечно, эта корреляция подразумевает совершенно возможную линию социально-политического развития – от эгалитарной акефальной локальной группы через возглавляемую бигмэном деревенскую общину с заметно более выраженным неравенством и политической иерархичностью к «авторитарной» деревенской общине с сильной властью вождя (примеры встречаются среди некоторых индейцев северо-западного побережья – см., например: Carneiro 2000), и затем через простые вождества с еще более выраженной стратификацией и концентрацией политической власти в руках вождя к сложным вождествам, в которых политическое неравенство по своим показателям достигает качественно нового уровня, и, наконец, к аграрному государству, в котором все вышеназванные параметры достигают кульминационного развития (хотя можно эту линию продолжить и дальше, до уровня «империи» [Adams 1975]). Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на каждом последующем уровне политической сложности можно обнаружить очевидные альтернативы данной эволюционной линии.

Начнем с самого простого уровня. Действительно, акефальные эгалитарные локальные группы встречаются среди большинства неспециализированных охотников-собирателей. Однако, как было показано Вудберном и Артемовой (Woodburn 1972; 1979; 1980; 1982; 1988a; b; Артемова 1987; 1989; 1991; 1993; Чудинова 1981), некоторые из подобных охотников-собирателей (а именно неэгалитарные, к которым относятся, прежде всего, австралийские аборигены) демонстрируют принципиально отличный тип социально-политической организации со значительно более структурированным политическим лидерством, сконцентрированным в руках иерархически организованных старших мужчин, с явно выраженным неравенством как между мужчинами и женщинами, так и среди самих мужчин.

На следующем уровне политической сложности мы снова находим общины как с иерархической, так и с неиерархической политической организацией. Можно вспомнить, например, хорошо известные различия между индейцами северо-запада и юго-востока Калифорнии:

Калифорнийские вожди находились как бы в центре экономической жизни общества, они осуществляли контроль над производством, распределением и обменом общественного продукта... Власть вождей и старейшин постепенно приобретала наследственный характер, что со временем стало типичным явлением для Калифорнии... Только у племен, населявших северо-запад Калифорнии, несмотря на сравнительно развитую и сложную материальную культуру, отсутствовали характерные для остальной Калифорнии четко выраженные социальные роли вождей. Вместе с тем только здесь было известно рабство... На-

селение этого региона имело представление о личном богатстве... Социальный статус человека прямо зависел от количества находившихся в его распоряжении... материальных ценностей... (Кабо 1986: 180).

Здесь можно вспомнить и общины ифугао Филиппин (см., например: Barton 1922; Мешков 1982: 183–197), где не было четко выраженного авторитарного политического лидерства, которые находятся в резком контрасте, скажем, с сопоставимыми по уровню общей социокультурной сложности общинами индейцев северо-западного побережья Северной Америки.

Таким образом, уже на уровне общин с элементарной и средней социокультурной сложностью мы наблюдаем несколько типов альтернативных политических форм, каждую из которых следует обозначать особым термином. Возможные альтернативы вождествам в неолитической юго-западной Азии, неиерархические системы сложных акефальных общин с выраженной автономией малосемейных домохозяйств недавно были проанализированы Ю. Е. Березкиным, который обоснованно предлагает апа-тани в качестве этнографической параллели (Березкин 1993; Berezkin 1995, 2000). С. А. Французов находит еще более развитый пример подобного рода политий на юге Аравии в вади Хадрамаут I тыс. до н. э. (Frantsouzoff 1995, 1997, 2000).

В качестве другой очевидной альтернативы вождеству, как было показано выше, выступает племя.

Племя, как известно, было практически исключено из ряда эволюционных моделей (Carneiro 1987: 760; Townsend 1985: 146). Тем не менее политические формы, полностью идентичные тем, что Э. Сервис описывал как племя, на самом деле можно найти, скажем, на Среднем Востоке в Средние века или Новое время (вплоть до наших дней): эти племенные системы обычно состоят из нескольких общин и часто имеют тип политического лидерства, полностью идентичный тому, что был описан Э. Сервисом в качестве типичного для племени (Dresch 1984: 39, 41; Service 1971/1962: 103–104).

Дело в том, что здесь мы имеем дело с таким типом политики, который невозможно идентифицировать ни с локальной группой, ни с деревенской общиной (потому что подобные племена обычно состоят из нескольких общин), ни с вождеством (потому что для них характерен совершенно иной тип политического лидерства), ни, естественно, с государством. Этот тип политики также непросто вписать в схему где-то между деревенской общиной и вождеством. Конечно, как убедительно показал Р. Карнейро (см., например: Carneiro 1970, 1981, 1987, 1991, 2000), вождества обычно возникали в результате политического объединения нескольких общин под властью единого вождя без предшествующей этому стадии племенной организации. С другой стороны, можно найти большое количество доказательств того, что на

Среднем Востоке многие племена возникли в результате политической децентрализации вожеств, хронологически предшествовавших племенам. Важно также подчеркнуть, что это ни в коей мере нельзя назвать «регрессом», «упадком» или «вырождением», так как во многих таких случаях можно наблюдать, как политическая децентрализация сопровождается ростом (а не упадком) общей социокультурной сложности (Коротаяев 1995а, 1995б, 1996а, 1996б, 1997, 1998; Korotayev 1995а, 1996, 2000а, 2000б). Таким образом, во многих отношениях племенные системы ближневосточного типа являются, скорее, альтернативами вожеств (а не предшествующей ступенью эволюции).

Ранее мы уже приводили аргументы (Korotayev 1995б), что вообще существует очевидная эволюционная альтернатива развитию жестких надобщинных политических структур (вожество – сложное вожество – государство) в виде развития внутриобщинных структур одновременно с гибкими межобщинными системами, не отчуждающими общинного суверенитета (разнообразными конфедерациями, амфикиниями и т. д.). Один из наиболее впечатляющих результатов развития в этом эволюционном направлении – греческие полисы (см. работы М. Берента [Berent 1994, 1996, 2000а, 2000б], посвященные обоснованию безгосударственного характера классического греческого полиса), некоторые из которых достигли общего уровня культурной сложности, сопоставимого не только с вождествами, но и с государствами. То же можно сказать и о римском аналоге, *civitas* (Штаерман 1989). Отметим, что как форма социополитической организации полисы были известны за пределами античного мира как хронологически, так и географически (Korotayev 1995б; Бондаренко 1998).

Племенной и полисный эволюционные ряды образуют, по видимому, разные эволюционные направления, имеющие свои отличительные черты: полисные формы предполагают власть «магистратов», выбираемых тем или иным путем на фиксированный промежуток времени и контролируемых народом в условиях полного (или почти полного) отсутствия регулярной бюрократии. В рамках племенных систем наблюдается полное отсутствие каких-либо должностей, носителям которых члены племени подчинялись бы только потому, что они являются носителями должностей определенного типа, а поддержание порядка достигается через проработанную систему посредничества и поиска консенсуса.

Существует также значительное число и иных сложных безгосударственных политий (например, политии казаков Украины и южной России вплоть до конца XVII в. [Чиркин 1955; Рознер 1970; Никитин 1987; и т. д.], кельтов V–I вв. до н. э. [Гринин 1997: 32–33; Крадин 2001: 149], или исландская полития «эпохи народоправства» вплоть до середины XIII в. [Ольгейрссон 1957; Гуревич 1972; Стеблин-Каменский 1984]), для обозначения которых пока нет каких-либо об-

щепринятых терминов, а их собственные определения часто слишком специфичны (как, например, «Казачье Войско»), чтобы иметь хоть какой-то шанс превратиться в общепринятый термин. Таких примеров можно привести, конечно, очень много.

Но и это не все. Существует и еще одна очевидная проблема со схемой Сервиса – Салинза. Она явно «доваллерстайновская», не тронутая никакими дискуссиями о мир-системах, уверенно опирающаяся на возможность рассмотрения отдельной политики как единицы социальной эволюции. Возможно, это было бы не так уж и важно, если бы Салинз и Сервис говорили о типологии политий; однако они говорят именно об «уровнях культурной интеграции», и в подобном контексте мир-системное измерение, несомненно, должно быть принято во внимание.

Суть проблемы здесь заключается в том, что тот же общий уровень культурной сложности может достигаться как через нарастающее усложнение одной политики, так и через развитие политически нецентрализованной межполитийной сети. Эта альтернатива была замечена еще И. Валлерстайном, что нашло отражение в предложенной им дихотомии «мир-экономика – мир-империя» (см., например: Wallerstein 1974; 1979; 1987). Примечательно, что и сам Валлерстайн рассматривает два члена этой дихотомии именно как альтернативы, а не как стадии социальной эволюции. Как можно предположить, здесь мы в основном согласны с Валлерстайном. Тем не менее нам видится и некоторое неоправданное упрощение. В целом, мы хотели бы подчеркнуть, что мы имеем здесь дело с частным случаем значительно более широкого набора эволюционных альтернатив.

Развитие политически децентрализованной межполитийной сети стало эффективной альтернативой развитию монополитии еще до возникновения первых империй. В качестве примера здесь стоит вспомнить межполитийную коммуникативную сеть гражданско-храмовых общин Месопотамии первой половины III тыс. до н. э., которая поддерживала уровень технологического развития, существенно более высокий, чем у современного ей политически централизованного египетского государства. Примечательно и то, что межобщинные коммуникационные сети уже могли представлять эффективную альтернативу вождеству. Например, социально-политическую систему апатани следует описывать, видимо, именно как межобщинную коммуникативную сеть [между прочим, в свою очередь выступавшую как ядро в рамках более широкой коммуникативной сети, включавшей в себя соседние менее развитые политии (вождества и суверенные общины) – см., например: Fueter-Haimendorf 1962].

Нам также представляется непродуктивным обозначать подобный альтернативный тип культурной интеграции как мир-экономику. Проблема в том, что при таком обозначении имеется тенденция недооценивать политические и культурные измерения подобных систем.

Возьмем, например, классическую греческую межполисную систему. Уровень сложности многих греческих полисов был достаточно низким даже по сравнению со сложным вожжеством. Однако они были частями значительно более обширной и несравненно более сложной общности, с многочисленными экономическими, политическими и культурными связями и общими политико-культурными нормами. Экономические связи, конечно же, играли определенную роль в рамках данной системы. Но прочие связи были отнюдь не менее важны. Возьмем в качестве примера норму, согласно которой межполисные войны приостанавливались во время Олимпийских игр, что делало возможным безопасное движение людей, а значит, и гигантских количеств энергии, вещества и информации в пределах территории, на порядки превосходившей территорию среднего сложного вожества. Существование межполисной коммуникационной сети позволяло, например, индивиду, родившемуся в одном полисе, получить образование в другом полисе, а основать свою научную школу в третьем. Наличие подобной системы долгое время резко уменьшало деструктивность межполисных войн. Она была той основой, на базе которой было возможным предпринимать значительные межполисные коллективные действия (что оказалось жизненно важным в эпоху греко-персидских войн). В результате полис с уровнем сложности, не дотягивавшим до уровня составного вожества, оказывался частью системы, сложность которой оказывалась вполне сопоставимой с государством (и не только ранним).

То же можно сказать и о межсоциумной коммуникативной сети средневековой Европы (сложность которой в таком случае сравнима с таковой у средней мир-империи). Примечательно, что в обоих случаях некоторые элементы соответствующих систем могут рассматриваться как составные части мир-экономик, более обширных, чем эти системы. В то же время не все составные части коммуникативных сетей были вполне экономически интегрированы. Из этого следует, что «мир-экономики» были не единственно возможным типом политически децентрализованных межсоциумных коммуникативных сетей. На самом деле, в обоих случаях мы имеем дело с политически децентрализованными цивилизациями, которые на протяжении большей части человеческой истории последних тысячелетий и составляли наиболее эффективную альтернативу мир-империям. Конечно, многие из таких цивилизаций можно рассматривать как составляющие более обширных мир-экономик. Валлерстайн предполагает, что в век сложных обществ только мир-экономики и мир-империи («исторические системы», то есть самые большие единицы социальной эволюции) можно в целом рассматривать как эволюционирующие единицы. Мы считаем, что в качестве таковых правильнее рассматривать цивилизации, как политически централизованные, так и политически децентрализованные.

ные. Еще раз стоит подчеркнуть важность культурных измерений подобных систем. Конечно, обмен крупными партиями товаров был важен. Но важным являлся и обмен информацией. Отметим, что успешное развитие науки в античной Греции и средневековой Европе стало возможным только благодаря интенсивному обмену информацией между обществами, а ведь развитие науки в средневековой Европе в очень высокой степени повлияло на дальнейшую эволюцию Мир-Системы.

Необходимо подчеркнуть, что межсоциумные коммуникативные сети могли появляться и среди гораздо менее сложных обществ (Валлерстайн обозначил их как «мини-системы», фактически не изучая их; конкретные исследования архаичных межсоциумных сетей см. в следующих работах: Chase-Dunn and Grimes 1995; Chase-Dunn and Hall 1993, 1994, 1995, 1997]). Кажется возможным говорить уже о коммуникативной сети, охватывавшей большую часть аборигенной Австралии. И снова мы здесь сталкиваемся со сходным феноменом – значительная степень культурной сложности (развитые формы ритуалов, мифологии, искусства, танцев и т. п., вполне сравнимые по сложности с таковыми у ранних земледельцев) у народов с довольно простой политической организацией. В значительной степени это можно объяснить тем фактом, что относительно простые локальные группы австралийцев были частью гораздо более сложного целого – гигантской межсоциумной коммуникативной сети, охватывавшей, по-видимому, большую часть Австралийского континента (см., например: Бахта и Сенюта 1972; Артемова 1987).

Таким образом, представляется возможным противопоставить общества, следовавшие по пути политической централизации и «авторитаризации», и культуры, которые продолжали разрабатывать и совершенствовать общинные институты самоуправления. Как бы там ни было, такая культура, как Королевство Бенин XIII – XIX вв., делает картину социально-политической эволюции еще более многогранной. В частности, оказывается, что не только гетеро-, но и гомоархические общества способны достичь очень высокого (несравнимо выше уровня сложных вождеств) уровня социокультурной сложности и политической централизации и, тем не менее, никогда не трансформироваться в государство на протяжении всего длительного периода своего существования. Пример Бенина также свидетельствует, что автономия местной общины не является гарантией движения сложного общества в направлении гетерархии. Ранее мы предложили обозначить эту форму социополитической организации как «мегаобщина» (см., например: Бондаренко 1995: 276–284; Bondarenko 1994; 1995; 2001: 232–249). Ее структуру можно представить в форме четырех концентрических кругов, образующих перевернутый конус. Эти «круги» – большая семья, большесемейная община (в которой семейные связи дополнены сосед-

скими), вождество и, наконец, самый широкий круг, включающий в себя три более узких, – мегаобщина как таковая (королевство Бенин в целом). Отличительной чертой мегаобщины является ее способность организовать на достаточно обширных территориях сложное многоуровневое общество, основываясь преимущественно на трансформированном принципе родства.

Еще одна очевидная альтернатива государству представлена суперсложными вождествами, созданными кочевниками Евразии – число структурных уровней в подобных вождествах равно или даже превосходит количество уровней в типичном государстве, но здесь имеется совершенно отличный от государства тип политической организации и политического лидерства; политические образования такого рода, по-видимому, никогда не создавались земледельцами (см.: Крадин 1992: 146–152; 1996; Kradin 2000a; 2000b).

Кроме мегаобщины Бенина и суперсложных вождеств кочевников, примером в данном случае, возможно, является и держава зулу в Южной Африке в первой половине XIX в. В рамках подобной масштабной и могущественной политики наблюдается высокая степень иерархизации надобщинных институтов и значительная устойчивость институциональной иерархии (см., например: Gluckman 1940; Ritter 1955). Общества с тщательно разработанной жесткой кастовой системой также могут являться гомоархичной альтернативой гомоархичным (по определению; см.: Claessen и Skalnik 1978: 533–596, 637–650) ранним государствам (Quigley 1999: 114–169; Kobishchanov 2000: 64).

Итак, альтернативность характеризует не только две основные макрогруппы культур, то есть гомо- и гетероархические общества. Альтернативность существует также и внутри каждой группы. В частности, на высшем уровне сложности и интегрированности социально-политической организации государство (по меньшей мере, в доиндустриальную эпоху) «конкурирует» не только с гетерархическими системами институтов (например, с полисом), но и с некоторыми формами социально-политической организации, не менее гомоархичными, чем само государство.

Среди многочисленных факторов, способных повлиять на сущность того или иного общества, следует остановиться на характерном для него типе семьи и общины. Различие в корреляции родственных и соседских (территориальных) линий связано, в свою очередь, с доминирующим типом общины (как универсального субстратного социального института). Ранее проведенное кросс-культурное исследование (Бондаренко и Коротаев 1999; Bondarenko and Korotayev 2000b), в целом, подтвердило выдвинутую ранее гипотезу (Бондаренко 1997: 13–14; 1998: 198–199) о том, что общинное устройство с большой семьей, где обычно ярко выражены вертикальные социальные связи, обретающие форму родственных отношений (старший-младший)⁴, и

существует недемократическая система ценностей, более характерно для гомоархических обществ. Оказалось, что гетерархические общества чаще связаны с территориальными общинами, состоящими из малых семей, в которых социальные связи горизонтальны и имеют вид равноправных соседских связей.⁵

В ходе нашего кросс-культурного исследования форм общины был выявлен еще один важный фактор гомоархизации-гетерархизации обществ. Оказалось, что вероятность гетерархического развития социополитической организации выше в культурах, где доминируют моногамные семьи (Korotayev and Bondarenko 2000).

Однако, помимо социальных факторов (включая вышеупомянутые), для определения эволюционного пути важен также ряд явлений, вытекающих из того факта, что политическая культура есть отражение общего культурного типа общества. Этот тип, варьирующий от цивилизации к цивилизации, определяет направления и пределы социокультурной эволюции. Хотя культура как таковая формируется под влиянием различных факторов (социоисторических, природных и т. д.), значимость общего культурного типа для определения характера социально-политической организации отнюдь не сводится к так называемому «идеологическому фактору» (Bondarenko and Korotayev 2000c; Claessen 2000b). Общий тип культуры оказывает существенное воздействие на свойства политической культуры социума. «Причем проявляются они, по всей видимости, сразу столь же полно, как и потенции хозяйственные, религиозные, художественные» (Зубов 1991: 59). В свою очередь, политическая культура определяет параметры идеальной социально-политической модели, складывающейся в головах людей. Так, политическая культура закладывает основы характера, типа, форм социально-политической эволюции общества, включая ее развертывание в иерархической или же неиерархической плоскости. Но и реальные, «неидеальные» общественные институты – в немалой степени плод сознательной деятельности (социального творчества) людей, пусть и не способных в полной мере осознать глобальные для их обществ социально-политические последствия своих поступков, направленных на достижение личных целей. Творят же люди, в том числе в общественной сфере, соотнося деяния с теми системами ценностей, которые они усваивают в своих культурах и воспринимают как наиболее естественные, единственно истинные.

Следовательно, очевидно, что как общий тип культуры социума, так и его политическая культура неразрывно связаны с присущим ему типом так называемой «модальной личности». В свою очередь, фундаментальные характеристики модальных личностей передаются от поколения к поколению посредством практик социализации, которые соответствуют системам ценностей, общепринятым в данных обществах, и могут в немалой степени определять ход политической эволюции, а

не только сами определяться ею, как обычно считается (см.: Irons 1979: 9–10, 33–35; Ионов 1992: 112–129; Bondarenko & Korotayev 2000a: 309–312), хотя ученые обычно склонны подчеркивать обратное влияние, то есть влияние политических систем на процессы социализации и типы личности.

Экологический фактор также является значимым для определения направления эволюции того или иного общества (Бондаренко 1998; Bondarenko 2000). В этом случае в понятие «экология» следует включать не только природную, но и социоисторическую среду. Окружающая среда также во многом определяет эволюционный потенциал общества, создавая пределы его продвижению по гомо- либо гетероархической оси. Например, не существует предопределенной неизбежности перехода от простого к сложному обществу (Tainter 1990: 38; Lozny 2000) или от раннего государства к зрелому (Claessen and van de Velde 1987: 20 etc.).

Рассмотрим теперь значение подхода, обсуждавшегося выше, для изучения процесса формирования государства и политогенеза в целом. Стремление всегда и везде видеть исторические тенденции и законы проявляющимися однотипно (или даже одинаково) приводит к искаженному пониманию исторической реальности. Например, синхронные политические процессы объявляются последовательными стадиями формирования государства. Кроме того, черты уже зрелого государства алогично приписываются его ранним формам, и вследствие этого становится невозможно найти хоть какое-нибудь «нормальное» раннее государство.

Понятие «политогенез» было разработано в 1970-х и 80-х гг. Л. Е. Куббелем (см., например: Куббель 1988), обозначавшим этим термином процесс формирования государства. К настоящему моменту, однако, стало очевидным, что процессы политической эволюции архаичных обществ не следует сводить исключительно к возникновению государства, потому что это, скорее, лишь частный вариант этих процессов. Мы предлагаем обозначать термином «политогенез» процесс формирования сложной политической организации любого типа, что выглядит более обоснованным также и с точки зрения этимологии: слово *politeia* в античной Греции обозначало политический порядок любого типа, а не только государство.

Мы считаем, что среди ученых, изучающих политогенез, можно наблюдать тенденцию сужать анализ до рассмотрения только самого процесса формирования государства. Это стремление сузить рамки изучаемого предмета, хотя и вполне законное, все же приводит к недооценке того факта, что на протяжении длительного периода процесс формирования государства был неразрывно связан с другими эволюционными процессами (например, религиозной эволюции), и, вероятно, это затрудняет любое достаточно полное объяснение самих про-

цессов образования государства. Нам видится, что такого объяснения можно добиться, только если изучать процессы образования государства с учетом всех остальных, параллельно протекавших эволюционных процессов.

Нельзя сказать, что подобный подход всегда игнорируется (см., например: Claessen and Skalnik 1978; Claessen 2000a [в особенности стр. 2]). Тем не менее, вопреки значительным достижениям в анализе общего культурного контекста процессов формирования государства, эта проблема все еще далека от разрешения. Одну из причин этой ситуации можно обозначить как «политоцентризм». Так или иначе, образование государства рассматривается как центральный процесс эволюции культур среднего уровня сложности не только из-за исходного определения объекта исследования (что кажется вполне обоснованным); его рассматривают как объективно центральный процесс, что не всегда верно, потому что во многих случаях другие процессы (такие, как, например, социоструктурная или религиозная эволюция) могли быть гораздо важнее (более подробно см.: Гринин 2001). С другой стороны, несомненно, при переходе от более простых обществ к более сложным (и в социокультурном, и в технологическом плане) существовала не одна, но множество моделей политогенеза. Сформировавшиеся в результате социально-политические структуры часто отличаются от государства, но было бы ошибочно считать их догосударственными структурами, так как они вполне сопоставимы с ранним государством в том, что касается сложности, функций и причин их формирования.

Таким образом, эволюционный путь, в рамках которого ретроспективно угадываются известные нам черты государства, является лишь одним из возможных «направлений» политогенеза. Но так как позднее большинство альтернативных социально-политических структур было уничтожено, поглощено государствами или трансформировалось в государства⁶, возможно, есть основания признать «государственную ветвь» политогенеза «основной», а альтернативные пути – «боковыми».

Это, тем не менее, не служит основанием для того, чтобы вышеупомянутые социополитические структуры описывать как догосударственные образования; напротив, они вполне сопоставимы с ранними государствами по функциям и уровню структурной сложности. Следовательно, представляется возможным определять их как «аналоги раннего государства» (подробнее см.: Гринин 1997; 2000a; Grinin 2000a; 2002; 2003). Понятие *аналог раннего государства* подчеркивает как типологическое и функциональное сходство данных форм с ранним государством, так и их структурные различия. Его использование делает возможным более адекватное описание процесса политогенеза.

В поисках ответов на ряд проблем политической антропологии необходимо рассматривать генезис раннего государства в общем контексте одновременных ему социозволюционных процессов. Вероятно, это позволит более точно оценить соотношение между общими социозволюционными процессами и процессами формирования государства. К примеру, кажется очевидным, что в конечном счете сложение государства связано с общими изменениями, вызванными переходом от присваивающего хозяйства к производящему и приводившими к росту социокультурной сложности. Это создавало объективную потребность в новых организационных методах и формах взаимодействия обществ. Но в различных обществах это выражалось по-разному. Так, в течение долгого времени рост социокультурной сложности, развитие торговли, частной собственности, рост имущественного неравенства и роли религиозных культов, корпораций и т. д. могли служить альтернативой чисто административным и политическим решениям. И в этом контексте раннее государство правомерно рассматривать только как одну из форм новой организации общества и межобщественных отношений.

В заключение обозначим ряд проблем для будущего изучения социозволюционных процессов в обществах среднего уровня сложности:

- 1) взаимоотношение и взаимосвязь политических аспектов политогенеза с другими аспектами (религиозным, социоструктурным и т. д.);
- 2) причины низкого уровня развития и фрагментарного характера административных институтов в ранних государствах;
- 3) причины сравнительной легкости перехода от одной схемы роста социокультурной сложности к другой;
- 4) выявление моделей социально-политической эволюции в связи с историко-культурными и географическими условиями ее протекания в тех или иных обществах.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в журнале *Social Evolution & History*, июль 2002, т. 1, № 1, с. 54–79 на английском языке под названием «Alternative Pathways of Social Evolution». На русском языке публикуется впервые. Перевод сделан по изданию: Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. *Alternative Pathways of Social Evolution*. In Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., and Korotayev, A. V. (eds.) 2004. *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel.

¹ Тем не менее стоит заметить, что на самом деле в таких случаях часто имелось в виду именно спенсеровское видение; то есть эволюция рассматривалась как «движение от несвязанной однородности к связанной разнородности» (Spencer 1972 [1862]: 71).

² Государство обычно понимается как «...достаточно устойчивая политическая единица, представляющая отделенную от населения организацию власти и администрирования и претендующая на верховное право управлять (требовать выполнения действий) определенными территорией и населением

вне зависимости от согласия последнего; и имеющая силы и средства для осуществления своих претензий» (Гринин 1997: 20; см. также: Гринин 2000б: 190).

³ См. также фундаментальную критику у М. Манна (Mann 1986), наиболее радикальное негативное отношение к этой схеме выражено через понятие «альтернативности траекторий» социальной эволюции Н. Иоффе (Yoffee 1993), а также в ряде коллективных работ (Patterson and Gailey 1987; Ehrenreich et al. 1995; Kradin and Lynsha 1995; Крадин и др. 2000; Bondarenko and Korotayev 2000a) и сборников тезисов международных конференций (см., например: Butovskaya et al. 1998; Bondarenko and Sledzevski 2000).

⁴ Это становится особенно важным, когда речь заходит об обществах, в которых в больших семьях главенствует не группа братьев, а отцы (см., например: Бромлей 1981: 202–210).

⁵ Отметим, что не только среди людей, но также и среди других приматов родственные связи более значимы в гомоархически организованных сообществах (Thierry 1990; Бутовская и Файнберг 1993: 25–90; Butovskaya 1993; 2000; Butovskaya, Korotayev and Kazankov 2000).

⁶ Тем не менее подобные трансформации возможны только при определенных условиях. Например, в результате влияния соседних государственных систем, резкого изменения внутренней или внешней для общества ситуации и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

Артемова О. Ю. 1987. *Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным)*. М.: Наука.

1989. К проблеме первобытного эгалитаризма. В *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Ч. 3 (с. 3–5). М.: Наука.

1991. Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества. В Коротаев А. В., Чубаров В. В., (ред.), *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития*. Т. 1 (с. 44–91). М.: Институт истории СССР АН СССР.

1993. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации. В Попов В. А. (ред.), *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции* (с. 40–70). М.: Наука.

Бахта В. М., Сенюта Т. В. 1972. Локальная группа, семья и узы родства в обществе аборигенов Австралии. В Решетов А. М. (ред.), *Охотники, собиратели, рыболовы* (с. 68–90). Л.: Наука.

Березкин Ю. Е. 1995. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. В Попов В. А. (ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* (с. 62–78). М.: Наука.

Бондаренко Д. М. 1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть*. М.: Институт Африки.

1997. *Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной тропической Африке*. М.: Институт Африки.

1998. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству. *Восток* 1: 195–202.

2001. *Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов*. М.: Институт Африки РАН.

Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. 1999. Политогенез, «гомологические ряды» нелинейные модели социальной эволюции (К кросс-культурному тестирова-

нию некоторых политантропологических гипотез). *Общественные науки и современность* 5: 129–140.

Бромлей Ю. В. 1981. *Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории)*. М.: Наука.

Бутовская М. Л. 1994. *Универсальные принципы организации социальных систем у приматов, включая человека*. Автореферат докторской диссертации. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Бутовская М. Л., Файнберг Л. А. 1993. *У истоков человеческого общества. Поведенческие аспекты эволюции человека*. М.: Наука.

Вавилов Н. И. 1921. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. *Сельское и лесное хозяйство* 1: 27–39.

1927. Географические закономерности в распределении генов культурных растений. *Природа* 10: 41–56.

1967. *Избранные произведения*. Т. 1–2. Л.: АН СССР.

Гринин Л. Е. 1997. Формации и цивилизации. Гл. 4. Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 5: 5–64.

2000а. *Политогенез: генеральная и боковые линии*. Волгоград: Учитель.

2000б. *Производительные силы и исторический процесс*. М.: Теис.

2001. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество* 4: 5–60.

Гуревич А. Я. 1972. *История и сага*. М.: Наука.

Зубов А. Б. 1991. «Вестминстерская модель» и общественное бытие Востока. В. Зубов А. Б., Салмин А. М., Тайван Л. Л. (руд.), *Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования*. Т. 1 (с. 50–75). М.: Наука.

Ионов И. Н. 1992. Исторический субъект и альтернативы социальной деятельности. В Шемякин Я. Г., Коротаев А. В. (ред.), *Альтернативность истории* (с. 109–131). Донецк: ДО САМИ.

Кабо В. Р. 1986. *Первобытная доземледельческая община*. М.: Наука.

Коротаев А. В. 1995а. Апология трайбализма: Племя как форма социально-политической организации сложных первобытных обществ. *Социологический журнал* 4: 68–86.

1995б. Некоторые проблемы социальной эволюции архаических (и не только архаических) обществ. *Восток* 5: 211–220.

1996а. Два социально-экологических кризиса и генезис племенной организации на северо-востоке Йемена. *Восток* 6: 18–28.

1996б. От вождества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем северо-восточного Йемена за последние две тысячи лет. *Этнографическое обозрение* 2: 81–91.

1997. *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации*. М.: Восточная литература.

1998. *Вождества и племена страны Хайшид и Бакил*. М.: ИВ РАН.

Крадин Н. Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.

1996. *Империя Хунну*. Владивосток: Дальнаука.

2001. *Политическая антропология*. М.: Ладомир.

Куббель Л. Е. 1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.

Мешков К. Ю. 1982. Филиппины. В Чебоксаров Н. Н., Кузнецов А. И. (ред.), *Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин* (с. 175–226). М.: Наука.

Никитин Н. И. 1987. О формационной природе ранних казачьих сообществ (к постановке вопроса). В Янин В. Л. (ред.), *Феодализм в России* (с. 236–245). М.:

Наука.

Ольгейрссон Э. 1957. *Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии* / пер. с исл. М.: ИЛ.

Павленко Ю. В. 1996. *История світової цивілізації*. Київ: Либідь.

2000. Происхождение цивилизации: альтернативные пути. В Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 115–129). М.: Логос.

Рознер И. Г. 1970. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. *Вопросы истории* 8: 42–56.

Стеблин-Каменский М. И. 1984. *Мир саги*. Л.: ЛГУ.

Чиркин В. Е. 1955. Об изучении государственных образований, возникавших в ходе восстаний рабов и крестьян. *Вестник истории* 9: 57–64.

Чудинова О. Ю. 1981. Мужчины и женщины в обществе аборигенов Австралии. В Малаховский К. В. (ред.), *Пути развития Австралии и Океании. История, экономика, этнография* (с. 220–237). М.: Наука.

Штаерман Е. М. 1989. К проблеме возникновения государства в Риме. *Вестник древней истории* 2: 76–94.

Abu-Lughod, J. L. 1989. *Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350*. Oxford – New York: Oxford University Press.

Adams, R. N. 1975. *Energy and Structure*. Austin – London: University of Texas Press.

Artemova, O. Yu. 2000a. Initial Phases of Politogenesis. In Bondarenko and Korotayev 2000: 54–72.

2000b. Monopolization of Information and Social Inequality. In Kradin *et al.* 2000: 132–137.

Barton, R. F. 1922. *Ifugao Economics*. Berkeley: University of California Press.

Beliaev, D. D. 2000. 'Joint Government' in Mesoamerican History. In Bondarenko and Sledzevski 2000: 13–14.

Berent, M. 1994. *Stateless Polis*. Unpublished Ph.D. thesis manuscript. Cambridge: Cambridge University.

1996. Hobbes and the 'Greek Tongues'. *History of Political Thought* 17: 36–59.

2000a. Greece (11th – 4th Centuries B.C.). In Bondarenko and Korotayev 2000: 228–254.

2000b. The Stateless *Polis*: Towards a New Anthropological Model of the Ancient Greek Community. In Kradin *et al.* 2000: 225–241.

Berezkin, Yu. E. 1995. Alternative Models of Middle Range Society. 'Individualistic' Asia vs. 'Collectivistic' America? In Kradin and Lynsha 1995: 75–83.

2000. Once Again on Horizontal and Vertical Links in Structure of the Middle Range Societies. In Kradin *et al.* 2000: 220–224.

Bondarenko, D. M. 1994. Precolonial Benin: Personality, Authority and the Structure of Society. In Sabloff, J. A., and Lal, M. (eds.), *State, City and Society* (pp. 1–10). New Delhi: WAC–3.

1995. Megacommunity as a Variant of Structure and Type of Society: Precolonial Benin. In Kradin and Lynsha 1995: 100–108.

1998. 'Homologous Series' of Social Evolution. In Butovskaya, Korotayev, and Khristoforova 1998: 98–99.

2000. 'Homologous Series' of Social Evolution and Alternatives to the State in World History (An Introduction). In Kradin *et al.* 2000: 213–219.

Bondarenko, D. M., and Korotayev, A. V. 2000a (eds.). *Civilizational Models of Politogenesis*. Moscow: IAF RAN.

2000b. Family Size and Community Organization: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research* 34: 152–189.

- 2000c. Introduction. In Bondarenko and Korotayev 2000: 5–31.
- Bondarenko, D. M., and Sledzevski, I. V. (eds.)** 2000. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. Moscow: IAF RAN.
- Brumfiel, E. M.** 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies: Comments. In Ehrenreich *et al.* 1995: 125–131.
- Butovskaya, M. L.** 1993. Kinship and Different Dominance Styles in Three Species of the Genus *Macaca*. *Folia Primatologica* 60: 210–224.
2000. Biosocial Preconditions for Sociopolitical Alternativity. In Bondarenko and Korotayev 2000: 35–53.
- Butovskaya, M. L., Korotayev, A. V., and Kazankov, A. A.** 2000. Variabilité des relations sociales chez les primates humains et non humains: à la recherche d'un paradigme général. *Primatologie* 3: 319–363.
- Butovskaya, M. L., Korotayev, A. V., and Khristoforova, O. B. (eds.)** 1998. *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behavior. Concepts of Humans and Behavior Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach*. Moscow: RSUH.
- Carneiro, R. L.** 1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.
1981. The Chiefdom: Precursor of the State. In Jones, G. D., and Kautz, R. R. (eds.), *The Transition to Statehood in the New World* (pp. 37–79). Cambridge: Cambridge University Press.
1987. Cross-Currents in the Theory of State Formation. *American Ethnologist* 14: 756–770.
1991. The Nature of the Chiefdom as Revealed by Evidence from the Cauca Valley of Colombia. In Rambo, A. T., and Gillogly, K. (eds.), *Profiles in Cultural Evolution* (pp. 167–190). Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
2000. Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. In Kradin *et al.* 2000: 52–58.
- Chamblee, J. F.** 2000. *The Classic-Postclassic Transition in the Central Mixteca Alta, Oaxaca*. Unpublished M. A. thesis manuscript. Tucson, AZ: University of Arizona.
- Chase-Dunn, Ch., and Grimes, P.** 1995. World-System Analysis. *Annual Review of Sociology* 21: 387–417.
- Chase-Dunn, Ch., and Hall, T. D.** 1993. Comparing World-Systems: Concepts and Working Hypotheses. *Social Forces* 71: 851–886.
1994. The Historical Evolution of World-Systems. *Sociological Inquiry* 64: 257–280.
1995. The Historical Evolution of World-Systems. *Protozoologie* 7: 23–34, 301–303.
1997. *Rise and Demise. Comparing World-Systems*. Boulder, CO – Oxford: Westview Press.
- Claessen, H. J. M.** 2000a. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. In Kradin *et al.* 2000: 1–11.
- 2000b. *Structural Change. Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology*. Leiden: Research School CNWS, Leiden University.
- Claessen, H. J. M., and Skalník, P. (eds.)** 1978. *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.)** 1987. *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.
- Claessen, H. J. M., van de Velde, P., and Smith, M. E. (eds.)** 1985. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley, MA: Bergin and Garvey.

Crumley, C. L. 1979. The Locational Models: An Epistemological Assessment for Anthropology and Archaeology. In Schiffer, M. (ed.), *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 3 (pp. 141–173). New York: Academic Press.

1987. A Dialectical Critique of Hierarchy. In Patterson, T. C., and Gailey, C. W. (eds.), *Power Relations and State Formation* (pp. 155–169). Washington, D.C.: American Anthropological Association.

1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. In Ehrenreih *et al.* 1995: 1–15.

2001. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. In Haas, J. (ed.), *From Leaders to Rulers* (pp. 19–33). New York etc.: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Dozhdev, D. V. 2000. Rome (8th – 2nd Centuries B.C.). In Bondarenko and Korotayev 2000: 255–286.

Dresch, P. 1984. The Position of Shaykhs among the Northern Tribes of Yemen. *Man* 19: 31–49.

Earle, T. 1978. *Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom: The Halelea District, Kiua'i, Hawaii*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Ehrenreih, R. M., Crumley, C. L., and Levy, J. E. (eds.) 1995. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington, D.C.: American Anthropological Association.

Ferguson, Y. 1991. From Chiefdoms to City-States: The Greek Experience. In Earle, T. (ed.), *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology* (pp. 169–192). Cambridge – New York: Cambridge University Press.

Frank, A. G., and Gills, B. K. (eds.) 1993. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London – New York: Routledge.

Frantsouzoff, S. A. 1995. The Inscriptions from the Temples of Dhat Himyam at Raybun. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 25: 15–27, tables I–II.

1997. Regulation of Conjugal Relations in Ancient Raybun. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 27: 47–62.

2000. The Society of Raybun. In Kradin *et al.* 2000: 258–265.

Führer-Haimendorf, C. 1962. *The Apa Tanis and Their Neighbours*. London – New York: Routledge and Kegan Paul.

Gluckman, M. 1940. The Kingdom of the Zulu of South Africa. In Fortes, M., and Evans-Pritchard, E. E. (eds.), *African Political Systems* (pp. 25–55). London: Oxford University Press.

Goldman, I. 1970. *Ancient Polynesian Society*. Chicago: University of Chicago Press.

Grinin, L. E. 2000. Politogenesis: General and Lateral Branches. In Bondarenko and Sledzevski 2000: 51.

2002. General Context of the Social Evolution at the Early State Formation. In Beliaev, D. D., Bondarenko, D. M., and Frantsouzoff, S. A. (eds.), *Hierarchy and Power in the History of Civilizations* (pp. 86–87). Moscow: IAF RAN.

2003. The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1: 131–176.

Irons, W. 1979. Natural Selection, Adaptation, and Human Social Behavior. In Chagnon, N. A., and Irons, W. (eds.), *Evolutionary Biology and Human Social Behavior. An Anthropological Perspective* (pp. 4–39). North Scituate, MA: Duxbury Press.

Kobishchanov, Yu. M. 2000. The Community-Caste Systems. In Bondarenko and Sledzevski 2000: 63–64.

Korotayev, A. V. 1995a. Ancient Yemen. Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and the Sabaeen Culture. Oxford – New York: Oxford University Press.

1995b. Mountains and Democracy: An Introduction. In Kradin and Lynsha: 60–74.

1996. *Pre-Islamic Yemen. Sociopolitical Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries A.D.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

2000a. The Chieftdom: Precursor of the Tribe? (Some Trends of the Evolution of the Political Systems of the North-East Yemen in the 1st And 2nd Millennia A.D.) In Kradin *et al.* 2000: 242–257.

2000b. North-East Yemen (1st and 2nd Millennia A.D.). In Bondarenko and Korotayev 2000: 191–227.

Korotayev, A. V., and Bondarenko, D. M. 2000. Polygyny and Democracy: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research* 34: 190–208.

Korotayev, A. V., Kradin, N. N., Lynsha, V. A., and de Munck, V. 2000. Alternatives of Social Evolution: An Introduction. In Kradin *et al.* 2000: 27–89.

Kowalewski, S. A. 2000. Cyclical Transformations in North American Prehistory. In Kradin *et al.* 2000: 177–187.

Kradin, N. N. 2000a. The Hsiung-Nu (200 B.C.–A.D. 48). In Bondarenko and Korotayev 2000: 287–304.

2000b. Nomads, World-Empires, and Social Evolution. In Kradin *et al.* 2000: 274–288.

Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., de Munck, V., and Wason, P. K. (eds.) 2000. *Alternatives of Social Evolution.* Vladivostok: FEB RAS.

Kradin, N. N., and Lynsha, V. A. (eds.) 1995. *Alternative Pathways to Early State.* Vladivostok: Dal'nauka.

Levy, J. E. 1995. Heterarchy in Bronze Age Denmark: Settlement Pattern, Gender, and Ritual. In Ehrenreih *et al.* 1995: 41–53.

Lozny, L. 2000. Social Complexity: Necessity or Chance? In Bondarenko and Sledzevski 2000: 79–80.

Lynsha, V. 1998. From Chieftdom to Tribe: Svealand in A.D. 400–1100. In Butovskaya, Korotayev, and Khristoforova 1998: 99–100.

Mann, M. 1986. *The Sources of Social Power.* Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.

Patterson, Th. C., and Gailey, C. W. (eds.) 1987. *Power Relations and State Formation.* Washington, D.C.: American Anthropological Association.

Quigley, D. 1999. *The Interpretation of Caste.* New Delhi: Oxford University Press.

Ritter, E. A. 1955. *Shaka Zulu: The Rise of the Zulu Empire.* London: Longmans, Green.

Sahlins, M. D. 1960. Evolution: Specific and General. In Sahlins, M. D., and Service, E. R. (eds.), *Evolution and Culture* (pp. 12–44). Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

1972/1958. *Social Stratification in Polynesia.* Seattle – London: University of Washington Press.

Sanderson, S. K. (ed.) 1995. *Civilizations and World-Systems: Two Approaches to the Study of World-Historical Change.* Walnut Creek, CA: Altamira Press.

Service, E. R. 1971/1962. *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective.* 2nd ed. New York: Random House.

Spencer, H. 1972/1862. *On Social Evolution.* Chicago: Aldine.

Tainter, J. A. 1990. *The Collapse of Complex Societies.* Cambridge: Cambridge University Press.

Thierry, B. 1990. Feedback Loop between Kinship and Dominance: The Macaque Model. *Journal of Theoretical Biology* 145: 511–521.

Townsend, J. B. 1985. The Autonomous Village and the Development of Chiefdoms. In Claessen *et al.* 1985: 141–155.

Tuden, A., and Marshall, C. 1972. Political Organization: Cross-Cultural Codes 4. *Ethnology* 11: 436–464.

van der Vliet, E. Ch. L. 1987. Tyranny and Democracy. The Evolution of Politics in Ancient Greece. In Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.), *Early State Dynamics* (pp. 70–90). Leiden: Brill.

Wallerstein, I. 1974. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press.

1979. *The Capitalist World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.

1987. World-Systems Analysis. In Giddens, A., and Turner, J. H. (eds.), *Social Theory Today* (pp. 309–324). Cambridge: Cambridge University Press.

Whyte, M. K. 1978. *The Status of Women in Preindustrial Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Woodburn, J. C. 1972. The Local Group among Hunters and Gatherers: An East African Example and its Implications. In Ucko, P. J., Tringham, R., and Dimbleby, G. W. (eds.), *Man, Settlement and Urbanism* (pp. 193–206). London: Duckworth.

1979. Minimal Politics: The Political Organization of the Hadza of North Tanzania. In Shack, W. A., and Cohen, P. S. (eds.), *Politics in Leadership: A Comparative Perspective* (pp. 244–266). Oxford: Clarendon Press.

1980. Hunters and Gatherers Today and Reconstruction of the Past. In Gellner, E. (ed.), *Soviet and Western Anthropology* (pp. 95–117). London: Duckworth.

1982. Egalitarian Societies. *Man* 17: 431–451.

1988a. African Hunter-Gatherer Social Organization. Is it Best Understood as a Product of Encapsulation. In Ingold, T., Riches, D., and Woodburn, J. (eds.), *Hunters and Gatherers*. Vol. 1. *History, Evolution and Social Change* (pp. 31–64). Oxford: Berg Publishers.

1988b. Some Connections between Property, Power and Ideology. In Ingold, T., Riches, D., and Woodburn, J. (eds.), *Hunters and Gatherers*. Vol. 2. *Property, Power and Ideology* (pp. 10–31). Oxford: Berg Publishers.

Yoffee, N. 1993. Too Many Chiefs? (Or, Safe Texts for the '90s). In Yoffee, N., and Sherratt, A. (eds.), *Archaeological Theory: Who Sets the Agenda?* (pp. 60–78). Cambridge: Cambridge University Press.